

“ВЕК СКОРО КОНЧИТСЯ, НО РАНЬШЕ КОНЧУСЬ Я...”

НЕСРАВНЕННЫЙ ПОДАРОК

Он не стремился в эмиграцию. Он был изгнан. А это очень разные вещи.

Советские чиновники даже не подозревали, какое благое дело они совершили, выдворяя 32-летнего поэта за пределы родной страны. В России, скорее всего, он умер бы после первого инфаркта, и уж точно не перенес бы операцию на сердце в условиях наших нестерильных бесплатных больниц.

Гонители поэта спасли не только его жизнь. Они открыли поэту весь мир.

Сначала была Италия — беженский лагерь под Римом. Затем США, Франция, Голландия, Англия, любимая Венеция и т.д. вплоть до Стокгольма. Здесь поэта увенчали Нобелевской премией. Тогда те из сочинителей, кто поспособствовал изгнанию поэта, тайно рвали на себе волосы от злобы и зависти.

Даже не хочется представлять, как сложилась бы судьба Бродского в СССР. Поденная работа переводчика, если, конечно, подкинут эту работу, закрытые границы, возможно, унижительное писательское пьянство... Уцелеть немислимо.

По крайней мере, два тома его несравненных стихов, не говоря обо всем остальном, в итоге подарил нам отъезд Иосифа Бродского в 1972 году. А ему самому — 23 года истинной жизни. Конечно, это радость, хоть и омраченная горечью.

Жизнь поэта — жизнь сердца. Бродскому предстояла пересадка сердца, он не решался на этот шаг. Поэт с чужим сердцем — это что-то непредставимое.

Вот только собственное не выдержало...

Когда он уезжал, на нем были, как гласит легенда, тапочки, и в кармане лежал апельсин, впопыхах сунутый ему мамой при прощании. Это все, с чем отпустила его Родина.

Сам поэт оказался значительно щедрее...

Сергей МНАЦАКАНЯН.

ПО ПРИНЦИПУ БОЛЕРО

О Бродском говорить легко и трудно. Легко — потому что он поэт замечательный, а трудно — потому что замечательное никогда словами не исчерпаешь. Для меня Бродский как совершенно новый лирик начался где-то с середины 60-х годов, после возвращения из ссылки. Его ранние стихи “Ни страны, ни погоста...”, разумеется, талантливы, но это еще не тот будущий, небывалый, загадочный и ни на кого не похожий поэт, которого раньше всех предсказала Ахматова.

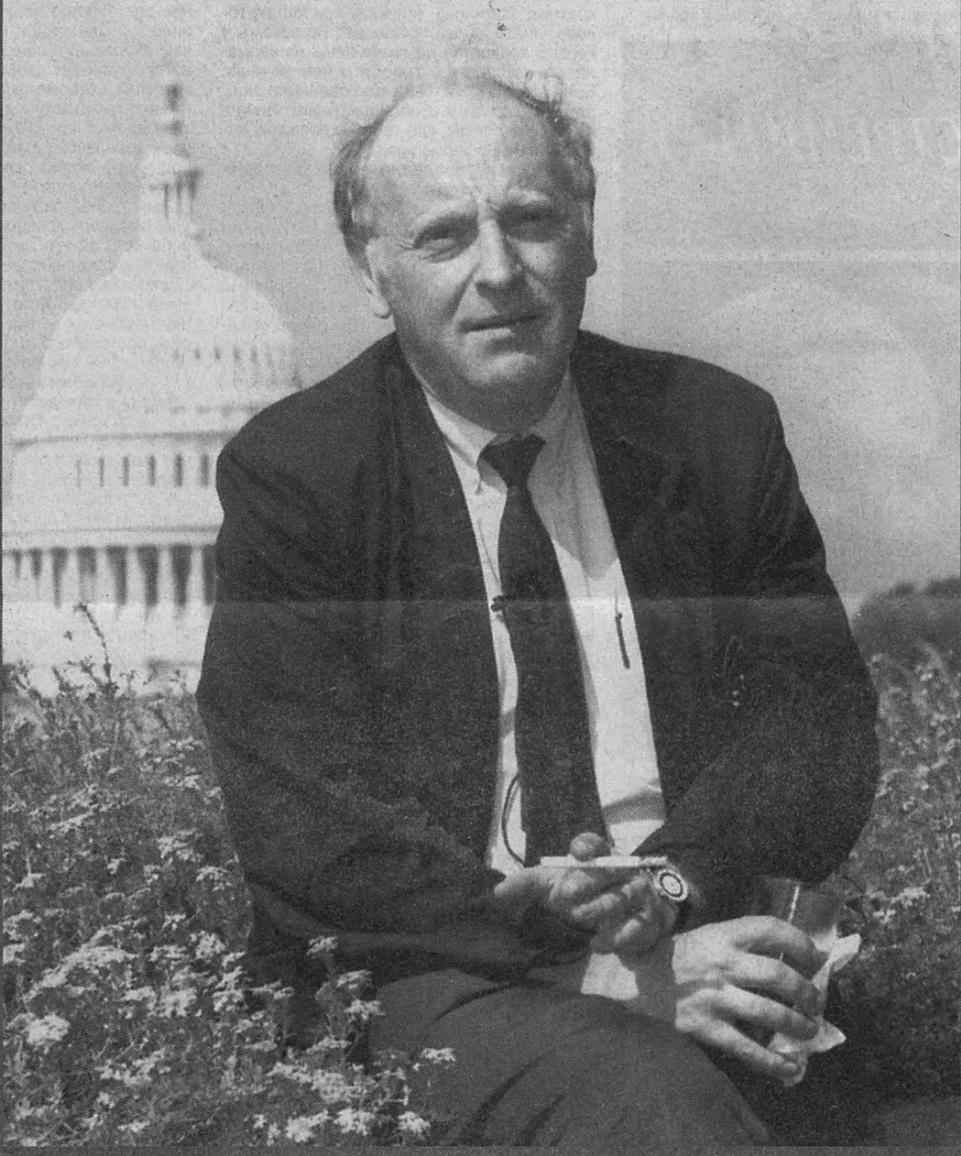
Своих вершин он достиг к 30 годам, особенно плодотворны для него были последние питерские годы и первые в эмиграции. Его лучшая вещь, на мой взгляд, — поэма “Колыбельная Трескового мыса”, написанная по принципу “Болеро” Равеля, когда стих идет по спирали, все поднимаясь и поднимаясь, чтобы скрыться где-то за облаком.

Ранние инфаркты и две операции на сердце мешали свободе его выдоха. Но, к счастью, Бродский стал писать прозу, по своему лиризму не уступающую его лучшим стихам. Самое удивительное, что он писал ее по-английски. Опубликованные в прошлом году “Новым миром” “Полторы комнаты”, по-моему, — лучшее, что было в прозе за последнюю четверть века. А таких шедевров у него целая книга.

Бродского нужно читать и перечитывать, но подражать ему вряд ли стоит: как всякий замечательный поэт, он существует в единственном числе и не терпит подделок.

Того, что он создал, с лихвой хватит на весь XXI век, и многое еще останется XXII.

Владимир КОРНИЛОВ.

М. Б.

Я обнял эти плечи и взглянул на то, что оказалось за спиной, и увидел, что выдвинутый стул сливался с освещенной стеной. Был в лампочке повышенный накал, невыгодный для мебели истертой, и потому диван в углу сверкал коричневой кожей, словно желтой. Стол пустовал, поблескивал паркет, темнела печка, в раме запыленной застыл пейзаж; и лишь один буфет казался мне тогда одушевленным. Но мотылек по комнате кружил, и он мой взгляд с недвижности сдвинул. И если призрак здесь когда-то жил, то он покинул этот дом. Покинул.

1962

СТАНСЫ ГОРОДУ

Да не будет дано умереть мне вдали от тебя, в голубиных горах, кривоногому мальчику вторя. Да не будет дано и тебе, облака торопы, в темноте увидеть мои слезы и жалкое горе.

Пусть меня отпоет хор воды и небес, и гранит пусть обнимет меня, пусть поглотит, мой шаг вспоминающая, пусть меня отпоет, пусть меня, беглеца, осенит белой ночью твоя неподвижная слава земная.

Все умолкнет вокруг. Только черный буксир закричит посредине реки, испуганно борясь с темнотою, и летящая ночь эту бедную жизнь обручит с красотой твоей и с посмертной моей правотою.

2 июня, 1962

ПЕСЕНКА

М.Б.

“Пролитую слезу из будущего привезу, вставлю ее в колечко. Будешь гулять одна, надевая его на безымянный, конечно”.

“Ах, у других мужа, перстеньки из рыжья, серьги из перламутра. А у меня — слеза, жидкая бирюза, просыхает под утро”.

“Носи перстенок, пока виден издали; потом другой подберется. А надоест хранить, будет что уронить ночью на дно колодца”.

***

В деревне Бог живет не по углам, как думают насмешники, а всюду. Он освещает кровлю и посуду и честно двери делит пополам.

В деревне он в избытке. В чугуне он варит по субботам чечевичу, приплясывает сонно на огне, подмигивает мне, как очевидцу. Он изгороди ставит, выдает девицу за лесничего и, в шутку, устраивает вечный недоделат обездичку, стреляющему в утку.

Возможность же все это наблюдать, к осеннему прислушиваясь свисту, единственная, в общем, благодать, доступная в деревне атеисту.

1964

***

Снег идет, оставляя весь мир в меньшинстве. В эту пору — разгул Пинкертонам, и себя настагаешь в любом естестве по небрежности оттирка в оном. За такие открытия не требуют мзды; тишина по всему околотку. Сколько света набилось в осколок звезды, на ночь глядя! как беженцев в лодку. Не ослепни смотри! Ты и сам сирота, отщепенец, стервец, вне закона. За душой, как ни шарь, ни черта. Изо рта — пар клубами, как профиль дракона. Помолись лучше вслух, как второй Назорей, за бредущих с дарами в обеих половинках земли самозванных царей и за всех детей в колыбелях.

1985

ПАМЯТИ ОТЦА: АВСТРАЛИЯ

Ты ожил, снилось мне, и уехал в Австралию. Голос с трехкратным эхом окликал и жаловался на климат и обои: квартиру никак не снимут, жалко, не в центре, а около океана, третий этаж без лифта, зато есть ванна, пухнут ноги, “А тапочки я оставил” — прозвучавшее внятно и деловито. И внезапно в трубке завывало “Аделаида! Аделаида!” загремело, захлопало, точно ставень бился о стенку, готовый сорваться с петель.

Все-таки это лучше, чем мягкий пепел крематория в банке, ее залога — эти обрывки голоса, монолога и попытки прикинуться нелюдимом

в первый раз с той поры, как ты обернулся дымом. 1989

ЗАКОН МАЯТНИКА

Вопросы из зала

Одна из последних встреч Иосифа Александровича Бродского с русскоязычной публикой состоялась в здании Общества этнических культур Нью-Йорка. Такие встречи — явление редкое, поэтому легко понять волнение собравшихся. Зал, рассчитанный человек на 600, был полон.

Иосиф Александрович в течение часа читал стихи. К сожалению, акустика зала оставляла желать лучшего, поэтому восприятие незнакомых стихов требовало некоторого напряжения. Иосиф Александрович держался просто. В то же время атмосфера выступления была очень острой. Зрители старались сдерживать свои чувства, так как Иосиф Александрович просил воздержаться от аплодисментов, фотосъемок, передвижения по залу и так далее.

После чтения стихов Иосиф Александрович в течение получаса отвечал на вопросы из зала. Несколько вопросов и ответов корреспонденту “МК” удалось записать.

— Правда ли, что вы преподаете? В каком университете, каким студентам? Нравится ли вам этим заниматься?

— Я преподаю в Массачусетсе, в университете Эмхерт. Я им помогаю уже 22 или 23 года. В этом семестре я веду два курса: английскую и американскую поэзию и русскую литературу первой половины XIX века. Студенты? Ну, нормальные студенты. Одни лучше, другие... Американские студенты вообще очень интересные люди, для них полностью отсутствуют какие-то аллюзии, авторитеты, поэтому они способны подходить к анализу литературного произведения без кивков в разные стороны, и такие иногда открываются поразительные вещи... В преподавании мне не нравится проверять студенческие работы, исправлять ошибки, объяснять, почему работа мне нравится или не нравится. Это отнимает много времени. А вообще, я очень люблю преподавать. Для меня это единственный способ говорить с людьми о том, что мне интересно.

— Почему вы так редко выступаете пе-

ред русскоязычной публикой?

— Никаких особых философских причин для этого нет. То есть никакого предубеждения или, наоборот, желания я не испытываю. Ко мне уже давно просто никто не обращался с каким-то конкретным предложением. А тут обратились, и вот...

— Вы — русский поэт (длинное рассуждение на эту тему)... нет ли у вас желания вернуться на родину, повторить судьбу Солженицына или Цветаевой?

— Желания повторить судьбу Цветаевой точно нет. И желания последовать примеру Александра Исаевича Солженицына тоже нет. Моя жизнь — это моя жизнь, а не судьба русской литературной традиции.

— Нет ли у вас ощущения, что вы ушли далеко вперед от своих современников, что им нужно пояснять ваши стихи?

— Это довольно грустный вопрос. Не то что я ушел вперед, но разрыв между мною и сегодняшними двадцатилетними действительно есть. Если бы у меня было время, я бы хотел сократить его чисто механически. Я надеюсь, что несколько моих последних книг будут этому способствовать.

— Почему в современной английской поэзии преобладает “свободный стих”? Говорит это о каких-то особых тенденциях или о недостатке мастерства авторов?

— Да, в современной поэзии действительно очень много “свободных” стихов. Но, как и для любых чисто формальных ограничений, тут действует закон маятника. Строгость классицизма — размытость, неопределенность романтизма. Так что скоро количество “свободных стихов” уменьшится. Оно уже уменьшается.

— Нравятся ли вам красивые женщины, и что вам в них нравится?

— Да, нравятся. А что, я не знаю, я не Маркс, чтобы анализировать.

После окончания вечера Иосиф Александрович вышел через зал вместе со зрителями.

Инна БЛИШТЕЙН, Нью-Йорк.

ОЩУЩЕНИЕ ЛИЧНОЙ УТРАТЫ

Смерть Иосифа Бродского — большая потеря для русской и мировой поэзии. Мне повезло встретиться с поэтом незадолго до его отъезда за границу. Это случилось в фойе Дома литераторов. Я тогда очень хотел напечатать в “Дне поэзии” три его стихотворения, условно говоря, триптих. Но я встретил большое сопротивление в главной редакции. Один знакомый мне говорит: “Бродский здесь. Может быть, он даст согласие напечатать два стихотворения?”

Я познакомился с Иосифом Александровичем: очень симпатичный, молодой, рыжий, приветливый... Он, конечно, разорвал триптих и снял одно стихотворение наотрез отказавшись. Мне понравилась его неуступчивость. Конечно, было жалко не увидеть его стихов в альманахе и не высказать там своего доброго

отношения к нему. Раскланялись тогда с Иосифом очень мило. Грустно, что мне не повезло встретиться с ним снова, уже в Америке, куда я был приглашен издателями, с которыми мы вместе делали сборник американских и русских поэтов.

Поэзию Бродского не постигнуть без учета опыта древней классики — античной и римской. Ее воспринимаешь как живое продолжение приемов и русской поэзии конца XIX и первой четверти XX веков.

Очень и очень жалко, что мне не удалось поближе сойтись и поговорить с Бродским, хотя бы немного. Теперь уже не поговорим. У меня его смерть вызывает ощущение очень личной утраты.

Владимир СОКОЛОВ.

СКОРБНАЯ НЕДЕЛЯ ПАМЯТИ

В понедельник, на следующий день после смерти поэта, состоялось собрание московского отделения Русского Пен-центра. Собрание открыл Андрей Битов. Он произнес короткое слово, посвященное памяти Иосифа Бродского. Русские писатели-правозащитники почтили память поэта.

Его ближайший друг — поэт Евгений Рейн — в частности сказал: “Теперь нам предстоит жить без Бродского. Будем достойны его великой памяти”.

Скорбят о поэте и в городе на Неве. Родной город переживает смерть своего сына. Гениальный поэт еще при жизни стал почетным гражданином Санкт-Петербурга. На доме по улице Пестеля, где он жил, будет установлена мемориальная доска. Это осуществится в день рождения поэта — 24 мая этого года. Мэр Санкт-Петербурга Анатолий Собчак обратился к петербуржцам с посланием.

“Перестало биться сердце человека, перед которым мы, россияне, в неоплатном долгу, — сказано в послании. — Коренной житель нашего города вынужден был покинуть страну в 1972 году. России не впервой выдворяют своих гениев”.

Увы, покаяние в нашей стране всегда происходит с опозданием.

Между тем продолжается работа над собранием сочинений Бродского. Это собрание выходит в петербургском издательстве “Пушкинский фонд”. При жизни поэта было выпущено 3 тома. А совсем недавно, за неделю до трагической кончины поэта, в Москве появился 4-й том его сочинений. Наверное, сам поэт эту книгу увидеть не успел. Этот том включает в себя стихи — самые последние — и часть прозы. В свое время Бродский сказал, что “возвращаются только на место преступления. На место любви не возвращаются...” Однако с выходом 5-го тома Бродский вернется на родину

практически в полном объеме...

А в Российской национальной библиотеке уже открыт именной фонд Бродского, согласно высказанной воле поэта.

С. М.

